

84Р1
Е80

Пётр Ершов
**Конёк-
горбунок**

Русская
сказка

Литература 1-й половины XIX века

*

Классная
библиотека

ОО

*

**Классная
библиотека**

«Конёк мой снова поскакал по всему русскому царству.
Счастливей ему путь! <...> Заслышав похвалу себе
от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв,
< ...> он тешит люд честной, старых и малых, и сидней,
и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет
находить отголосок в русской душе...»

(П. П. Ершов в письме В. А. Треборну,
14 июня 1856 года)

«Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей».

(«Конёк-горбунок»)

«Не забыта мать-Россия
У небесного царя.
Всюду реки медовые
И молочные моря.
И богатым, и убогим
Пир готов на каждый день.
Дело только за немногим:
Ложку в руки взять нам лень».

(П. П. Ершов)

П. П. Ершов

КОНЁК-ГОРБУНОК

Русская сказка в трёх частях

565169

Художник

Е. П. Самокиш-Судковская

Детская и юношеская книга

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Е80

Вступительная статья *А. Б. Галкина*, кандидата филологических наук, писателя, литературоведа, члена Всероссийского общества Ф. М. Достоевского, специалиста по русской литературе XIX века, преподавателя русского языка и литературы, тренера команды Москвы по подготовке к Всероссийской олимпиаде школьников по литературе, разработчика заданий для Олимпиады по литературе для старших классов (9–11), а также Олимпиады для учителей литературы.

Ершов, Пётр Павлович.

Е80 Конёк-горбунок : русская сказка в трёх частях / П. П. Ершов ; худож. Е. П. Самокиш-Судковская ; [вступ. ст. А. Б. Галкина]. — Москва : Детская и юношеская книга, 2022. — 144 с. : ил. — (Классная библиотека).

ISBN 978-5-907545-30-4

Сказка «Конёк-горбунок», созданная Петром Павловичем Ершовым (1815–1869), давно стала классикой русской детской литературы. Написанная живым народным языком, она часто даже не воспринимается как авторская.

На страницах этой книги происходят невероятные чудеса и оживают известные русские персонажи: Иванушка, Жар-птица, Чудо-юдо рыба-кит и другие. Герои попадают в необыкновенные приключения, преодолевают множество преград, но зло обязательно будет наказано, а Иван обретёт своё счастье с прекрасной Царь-девицей.

Это сказка о том, что жадность наказуема, а кто-то не слишком красивый внешне может оказаться самым лучшим и надёжным другом.

Для младшего и среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-907545-30-4 © Галкин А. Б., вступительная статья, 2022
© ООО «Издательство «Детская и юношеская книга», 2022

«Лучше б нам пера не брать»:
«Конёк-горбунок»
в истории русской литературы

«Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину».
(*Конёк-горбунок* — *Ивану*)

Сказка «Конёк-горбунок» памятна нам с детства. Её читали нам родители и дедушки с бабушками перед сном. Энергичный хорей Ершова вдруг ни с того ни с сего начинает звучать у нас в ушах, как хорошо знакомая песня:

У старинушки три сына.
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.

Ершов начал писать сказку в 18 лет, показал её своему учителю и приятелю Пушкина профессору П. А. Плетнёву, тот восхитился творением воспитанника, прочитал отрывок сказки на лекции в назидание нерадивым студентам и указал им на однокурсника, вместе со всеми сидевшего в аудитории. На этом Плетнёв не успокоился и показал «Конька-горбунка» Пушкину и получил также и от него одобрительный отзыв. Так, 19-летний студент, опубликовавший сказку, в одночасье сделался знаменитым и даже прослыл во мнении потомков гениальным поэтом-сказочником, создателем только одного великого произведения.

История заблуждения — увы! — на этом не закончилась, а курьёзно продолжилась в конце XX века. Некий амбициозный литературовед А. Лацис выдвинул ставшую популярной в народе гипотезу, будто бы автором «Конька-горбунка» на самом деле был не Ершов, а Пушкин, потому что, по его мнению, невозможно в 19 лет написать так хорошо. К тому же больше ничего подобного Ершов не написал.

Подхватил эту идею самостийный любитель литературных сенсаций некто В. Козаровецкий. Он рассказал доверчивым любителям русской литературы живописную детективную историю, будто бы Пушкин не мог в открытую заявить о своём недовольстве царю Николаю I по поводу его ухаживаний за женой поэта Натальей Николаевной, поэтому он са-

тирически изобразил монарха в «Коньке-горбунке» в образе сластолюбивого царя, вожделеющего к юной Царь-девице. Пушкин будто бы встретился с Плетнёвым и его учеником, вручил 500 рублей Ершову за молчание и выпустил под чужим именем сочинённую им сказку. Кит-рыба — это, оказывается, по Козаровецкому, царь, который должен был освободить декабристов (выплюнуть из чрева три десятка проглоченных китом кораблей), а образ спальника, «подлеца и доносчика», навеян фигурой генерала Бенкендорфа. Царь, согласно легенде Козаровецкого, никак не отреагировал на «Конька-горбунка», и тогда Пушкин вынужден был выпустить по царю второй пушечный выстрел — написать тем же стихотворным размером новую сказку «Золотой петушок» о несимпатичном престарелом царе и Шамаханской царице.

Главный аргумент любителей «жареных фактов» — дальнейшее литературное бесплодие гениального поэта, с таким триумфом вошедшего в литературу и после ничем себя не проявившего. Жаль, однако, что эти горе-пушкинисты забыли с виду незначительное житейское соображение: у Ершова было 15 детей, из которых только шестеро дожили до сознательного возраста. Из трёх жён поэта две скончались: в апреле 1845-го первая, и он остался один с детьми, а в 1852-м умерла и вторая. В 1856 году он сообщает друзьям:

«На одной неделе я имел несчастье похоронить сына и дочь — моих любимцев... Ум мой теперь весь в сердце, а сердце — на могиле детей»¹.

Двадцатидвухлетний Ершов, покинувший после окончания университета Петербург, начал преподавать в Томской гимназии и со временем стал её директором. Был отличным педагогом, время которого по большей части уходило на подготовку к занятиям и заботливое пестование учеников. Добросовестный учитель и щепетильный человек, он просто не в силах был плохо исполнять даже поначалу не слишком любимое дело. «Что ни говорите, — писал он друзьям, — а вступив в службу и произнеся священные слова присяги, мне кажется, грешно и бесчестно делать, как многие, — между прочим»². В 1840-е годы, как указывает исследователь его творчества В. П. Зверев, Ершов «пишет "Мысли о гимназическом курсе", обдумывает и делает разработки к "Курсу словесности", готовит статью "О переменах, происходивших в нашем языке, от половины IX века до настоящего времени", пытается опубликовать через своих петербургских дру-

¹ Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. Спб., 1872. С. 156.

² Там же. С. 99.

зей в "Журнале Министерства народного просвещения" рассуждение "О трёх великих идеях истины, блага и красоты, о влиянии их в христианской религии"»³ — одним словом, поэт и сказочник, он пытается теперь серьёзно соответствовать важнейшему поприщу педагога и наставника молодёжи.

Наконец, вопиюще несправедливо мнение о том, будто Ершов больше ничего не написал после знаменитой детской сказки «Конёк-горбунок». (Отрывок из «Конька-горбунка» появился в «Библиотеке для чтения» в 1834 году (том 3), а в середине того же года сказка Ершова была полностью опубликована отдельным изданием.) Громадная часть его писательского архива была утрачена, другая погибла во время Великой Отечественной войны. Тем не менее в советское время, в 1989 году, был опубликован том его стихов, очень неплохих, среди них «старинная быль» «Сибирский казак», художественное мастерство которой нисколько не уступает «Коньку-горбунку» и которая написана примерно в то же время. «Драматический анекдот» «Суворов и стационарный смотритель», опубликованный в 1836 году в издании А. Ф. Смирдина, также доказывал недюжинное писательское дарование Ершова. Помимо этого, Ершов был автором

³ См.: *Ершов П. П. Стихотворения* / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. П. Зверев. М.: Сов. Россия, 1989.

цикла рассказов романтической прозы «Осенние вечера», ныне забытых и до сих пор по достоинству не оцененных историками русской литературы. В 1857 году «Осенние вечера» были опубликованы в «Живописном сборнике замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития», издаваемом А. Плюшаром и В. Генкелем.

Семейные несчастья и жизненные невзгоды не позволили Ершову осуществить грандиозные творческие замыслы: создать «поэму в 10 томах и в 100 песнях» «Иван-царевич» (сохранился только небольшой отрывок «Рано утром под окном...»), мечту написать об Илье Муромце. По мотивам «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина он пишет шестистопным ямбом «Монолог Святополка Окаянного», стихотворение «Смерть Святослава», создаёт для композитора И. К. фон Гунке оперное либретто «Страшный меч», посвящённое временам великого княжения князя Владимира. (Четыре написанных Ершовым для того же композитора оперных либретто до нас не дошли.) В черновом письме к Плетнёву в июне 1851 года Ершов писал: «Не скрою от вас, что мысль о русской эпопее не выходит у меня из головы. Но, живя в глуши, я не имею нужных к тому материалов. Это обстоятельство преимущественно влекло меня искать места при Императорской публичной библиотеке, где я мог бы пользоваться всеми

старинными сказаниями. Предоставляю Богу устроить мою судьбу. Если же Ему угодно оставить меня навсегда в Сибири, я не буду роптать на это, но мысль о русской эпопее переменю на сибирский роман. Купер послужит моим руководителем. А между тем на мелких рассказах я приучу перо своё слушать мысли и чувства»⁴.

В Тобольске Ершов сближается с сосланными декабристами и с польскими ссыльными, бывшими участниками восстания 1831 года. С марта по 11 августа 1846 года, перед самой его кончиной, он утешает долгими беседами и чтением тяжелобольного, потерявшего зрение В. К. Кюхельбекера. В Ялуторовске посещает осуждённого на вечную каторгу другого лицейского друга Пушкина И. И. Пущина. Пущин передал ему несколько стихотворений Пушкина, которые Ершов переслал в Петербург: два из них были опубликованы П. А. Плетнёвым в журнале «Современник» («Мой первый друг, мой друг бесценный...» и «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...»).

Ершов, несомненно, осознавал противоречивую двойственность своего существования.

⁴ Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. Спб., 1872. С. 141.

Осенью 1862 года он писал: «Муза и служба — две неугомонные соперницы — не могут ужиться и страшно ревнуют друг друга. Муза напоминает о призвании, о первых успехах, об искусительных вызовах приятелей, о таланте, зарытом в землю, и пр., и пр., а служба — в полном мундире, в шпаге и шляпе, официально докладывает о присяге, об обязанности гражданина, о преимуществах официи и пр., и пр. Из этого выходит беспрестанная толкотня и стукотня в голове, которая отзывается и в сердце»⁵.

В середине 1850-х годов в Тобольск приезжает один из будущих создателей Козьмы Прутоква — В. М. Жемчужников. Знакомство двух литераторов быстро перерастает в дружбу и творческое сотрудничество. Жемчужников, по-видимому, разглядел не угаснувшее от невзгод чувство юмора Ершова и присущую ему горькую самоиронию. Так, например, 24 января 1862 года поэт написал под своим портретом, выполненным художником М. С. Знаменским:

Не дивитесь, друзья,
Что так толст и весел я:
Это — плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;

⁵ Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. Спб., 1872. С. 106.

На гнетущий жизни крест
Это — честный мой протест.

В «Сочинения Козьмы Пруtkова» были включены отдельные эпиграммы Ершова. А в 1854 году Ершов передал свой и Н. Чиждова водевиль «Черепослов, сиречь Френолог» авторам Козьмы Пруtkова, и они использовали его при создании одноимённой оперетты. Козьма Пруtkов, как автор упомянутого творения, высмеивал популярную в XIX веке френологию, согласно которой те или иные шишки на черепе означали, к примеру, склонность к физической любви, остроумие, поэтический талант, религиозный инстинкт, непоколебимость или осторожность. По сюжету оперетты двое влюблённых сватаются к дочери френолога Шишкенгольма, но он отказывает им от дома, потому что оба они лишены шишки любви. Тогда один из них, Касимов, чтобы добиться своей возлюбленной, просит обрить его наголо и молотком выбить на черепе нужные шишки: шишку славы, музыки, памяти, учёности, ума, убеждений, силы духа, чувствительности, живописи, терпенья и, наконец, любви. Дочь френолога всё равно его отвергает, несмотря на произведённые в одночасье шишки. Остроумие Ершова, так щедро рассыпанное в сказке «Конёк-горбунок», мы можем убедиться, не покидало его до конца жизни, вовсе не радостной.

Обидно за Ершова, которому злонамеренные потомки отказали в авторстве гениальной сказки, а некомпетентные любители русской литературы поставили клеймо создателя одного произведения, но не меньше обидно и за Пушкина. Некоторые стихотворные строки, особенно в первом издании сказки (мы хорошо знаем и читаем в настоящее время текст четвёртого, исправленного издания!), по своей поэтической неряшливости никак, ни при каких условиях не могли принадлежать Пушкину: «Через несколько минут// При огне конёк как тут». «Так и беса настигу». «И толкуя сам с собой, // Разводя своей рукой». (В четвёртом издании исправлено: «Разводя вот так рукой».)

Для лаконичных сказок Пушкина нехарактерен образ сказочника, то и дело прерывающий сюжетную фабулу присказками, прибаутками, многословными обращениями к читателю:

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего коурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;

Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдёт.

Заметим кстати, что в этом фрагменте Ершов не раз явно цитирует вышедшие ранее пушкинские сказки «О царе Салтане» (1831) и «О мёртвой царевне и о семи богатырях» (1833). «Мимо острова Буяна // В царство славного Салтана» то и дело курсируют корабельщики, пересказывающие Салтану чудеса острова под управлением князя Гвидона. А царевич Елисей получает сведения от буйного ветра о том, что «во тьме печальной, // Гроб качается хрустальный» с мёртвой царевной.

Когда же ершовский Иван-дурак вместе с Коньком-горбунком является на аудиенцию к Чудо-юду рыбе-кит, то она задаёт им вопросы почти такие же, какие многократно задаёт

царь Салтан корабельщикам («Ой вы, гости господа, // Долго ль ездили? куда?»):

Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?»
— «Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конёк, —
К солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые».

Пушкин едва ли был бы расположен к подобного рода обильному самоцитированию. Да и вообще Пушкин, мастер коротких, отчётливых, изящных сказочных сюжетов, не мог выбрать такой немыслимый объём и такое чрезвычайное многословие, как в сказке Ершова. И уж совсем невероятно для Пушкина, чтобы он в середине повествования вдруг выдал подробный конспект сюжетной фабулы сказки с однообразным одиннадцатикратным повтором «Как... Как... Как...»:

<...>

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,

Что наделал наш Иван,
 Находясь во службе царской,
 При конюшне государской;
 Как в суседки он попал,
 Как перо своё проспал,
 Как хитро поймал Жар-птицу,
 Как похитил Царь-девицу,
 Как он ездил за кольцом,
 Как был на небе послом,
 Как он в солнцевом селенье
 Кíту выпросил прощенье;
 Как, к числу других затей,
 Спас он тридцать кораблей;
 Как в котлах он не сварился,
 Как красавцем учинился;
 Словом: наша речь о том,
 Как он сделался царём.

В сказке Ершова полно сибирских выражений — «сибиризмов», которые в таком количестве не мог знать несибиряк Пушкин: «Вдруг приходит дьявол сам, // С бороною и с усам». Недаром ведь Пётр Павлович Ершов родился 22 февраля 1815 года в сибирской деревне Безруковой Ишимского уезда Тобольской губернии, а потом жил в городах Омске и Берёзове, где вслушивался в народные предания о Ермаке и Пугачёве. Показательно, что авторская литературная сказка «Конёк-горбунок» разошлась изустно по Сибири и была пересказана народными сказителями в 17 различных вари-

антах! Чуткий слушатель и собиратель сибирского фольклора, Ершов парадоксальным образом пересказал народную поэзию так, что и сама его сказка для народа сделалась поистине фольклорно-безымянной.

2.

В разговоре о сказке Ершова и её значении для русской ментальности необходимо отделить зёрна от плевел. Иначе сказать, следует понять, где сказка повторяет фольклор или литературных предшественников, а где Ершов глубоко оригинален, самобытен и отвечает духу русского народа, то есть речь идёт о том, что критик В. Г. Белинский, перефразируя пушкинский стих из «Руслана и Людмилы», называл «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Начало сказки, когда Иван-дурак оседлал кобылицу, сидит на ней задом наперёд и «крепко держится за хвост», в то время как она, безуспешно пытаясь сбросить с себя постылого наездника, «Мчится скоком по горам// Ходит дыбом по лесам», напоминает сказочную гоголевскую повесть «Ночь перед Рождеством» (1829–1831), в которой богобоязненный кузнец Вакула оседлал чёрта и заставил его лететь в Петербург, во дворец к царице:

«— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сём слове он сотворил крест, и чёрт сделался

так тих, как ягнёнок. — Пстой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё, что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!»

Написанный позднее сказки Ершова гоголевский «Вий» (1835) ещё больше похож на завязку сказки «Конёк-горбунок»: Хома Брут оседлал ведьму и скакал с ней по горам и по долам до изнеможения. Кажется, что это, наоборот, Гоголь использовал сказочный мотив, найденный Ершовым. Отметим, между прочим, что Иван-дурак «Конька-горбунка» рассказывает братьям и отцу небылицу о том, будто бы всю ночь скакал верхом на чёрте.

Как бы то ни было, «Конёк-горбунок» построен, подобно русской народной сказке, на веренице нанизанных друг на друга событий, часто однотипных, в полном соответствии со знаменитой книгой В. Проппа «Морфология волшебной сказки». Здесь и Конёк-горбунок в качестве волшебного помощника героя-

протагониста, и изначальный запрет для героя подбирать перо Жар-птицы, и традиционное для сказки нарушение этого запрета из упрямства или по недомыслию героя-протагониста, и целый ряд героев-антагонистов, «вредителей», как именует их Пропп: сначала старшие братья Ивана, потом спальник, наконец, сам старый и глупый царь, постоянно, по наущению предателя и провокатора спальника, предлагающий Ивану немислимые испытания, которые тот с помощью мудрого Конька-горбунка благополучно выдерживает и в конце концов побеждает злых, коварных и несправедливых врагов, женись на прекрасной Царь-девице и, в свою очередь, делаясь царём.

На первый взгляд, Иван-дурак в ершовской сказке мало чем отличается от фольклорного Емели-дурака или Ивана-дурака русских сказок. Однако это ошибочное впечатление. Иван «Конька-горбунка» скорее похож на лукавого, хотя и простодушного с виду, солдата из русских сказок. Он как будто открывает череду литературных персонажей, вроде бравого солдата Швейка, Василия Тёркина, Ивана Чонкина. Он только представляется дураком, тогда как на самом деле он сметлив, умён и совестлив.

Вторая оригинальная черта сказки Ершова — погружённость героя в атмосферу предательства, зависти, наущничества, интриг. Русский человек, образ которого в сказке вопло-

щает Иван-дурак, постоянно ощущает вокруг себя враждебность, он ожидает подвоха или измены со стороны других, даже близких родственников. Одним словом, он всегда в стане врага, и только надежда на русский авось — читай: волшебного помощника — помогает русскому человеку выходить сухим из воды из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций, что называется «дуракам везёт». Впрочем, это везение и Божественная помощь в сознании народа всегда имеет твёрдую нравственную причину: герой изначально и до конца должен жить по справедливости, так сказать, быть верным законам любви и добра. И благородный Иван ершовской сказки всецело отвечает этой народной нравственной максиме. Братья крадут у Ивана коней, а он бросает им в лицо слова народной правды:

Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал...

Но так ли уж прост Иван-дурак? Он не торопится раскрывать истинных событий братьям и отцу: выдумывает нелепицу о дьяволе, топчущем пшеницу:

Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;

Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плошки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его как в жомах.

Не менее картинна и абсурдна с ходу сочинённая им история про перо Жар-птицы, о находке которой он также не считает нужным докладывать братьям, предпочитая представиться им прежним дурачиной. Это при том что братья хотят отправить Ивана на верную гибель к станичникам, за костёр которых они издалека принимают пылающее в пространстве перо Жар-птицы.

«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час.
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Таким же простофилей Иванушка намерен показаться и царю, нанимающему его на службу стремянным. В глазах царя Иван должен предстать чуть-чуть юродивым и любителем поспать, эдаким «совой»:

«...Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Однако уже спальник разоблачает обман Ивана и догадывается, что тот всё время живёт двойной жизнью, за что его в том числе тоже стóит, по мнению спальника, как следует наказать:

Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, —
Ну, точнёхонько Иван.

Как невнимательные читатели, к тому же два века спустя, мы не замечаем порой самых странных, оригинальных деталей сказочной поэмы Ершова. Например, портрет Конька-горбунка:

Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.

Вершок равняется 4,4 сантиметра, а аршин — 71,2 сантиметра. Если Иван садится на Конька-горбунка, рост которого составлял всего лишь 13,2 сантиметра, то он должен держать ноги на весу, задрав их за голову Конька. Для этого необходима точка опоры, например семидесятисантиметровые уши Горбунка, лучше железные, каменные или стальные. Любопытно, что Царь-девица имеет талию того же размера, что и рост Конька-горбунка. Она никак не соответствует идеалу красоты Ивана, который, вероятно, рисует в своём воображении дородную и в теле русскую красавицу с алыми щеками кровь с молоком:

«...Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!

Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».

Самобытный и, пожалуй, нигде не встречавшийся ранее образ кита-рыбы (исключая разве что неизвестного Ершову Моби Дика, или Белого кита американского романтика Германа Мелвилла) явно несёт в сказке аллегорический смысл. С замечательным остроумием девятнадцатилетний поэт Ершов создаёт своеобразный сюжетный дубль: Чудо-юдо рыба-кит тоже царь в своём океане. Чтобы выполнить данное Ивану и Коньку обещание и вернуть лежащий где-то на морском дне перстень Царь-девицы, Чудо-юдо рыба-кит требует к ответу вольнолюбивого Ерша, гуляку, крикуна и забияку. Ёрш должен совершить, подобно Иванушке, невозможное: отыскать перстень на дне морском. Ёрш рифмуется не только с Иваном, вынужденным выполнять дурные капризы земного царя, но и с поэтом Ершовым, сочинившим на радость людям сказку, а значит, задор и лукавство Ивана не чуждо и самому автору «Конька-горбунка». Поэзия, таким образом, должна восторжествовать над несправедливостью жизни и принести людям и кораблям, пленённым рыбой-китом, желанное освобождение.

Мотив путешествия героя на небо тоже поэтически оригинально и даже, может быть, его

религиозно обыгрывает Ершов: небо уподоблено православному храму с крестами, а Месяц Месяцович (Луна) и его (её) сынок Солнце, он же брат Царь-девицы, подобны Богу-отцу (одновременно Божественной Матери) и Христу, в то время как Царь-девица, обречённая ходить среди людей на Земле, похоже, ассоциируется с заступницей рода христианского Богородицей. Христианские мотивы здесь замысловатым образом соединяются с природными астрономическими явлениями: Луна каждый лунный месячный цикл с начала новолуния по три дня не выходит на небо, так и Месяц Месяцович, матушка Царь-девицы, с горя, что бесследно потеряла дочь, по три дня не выходит на небо:

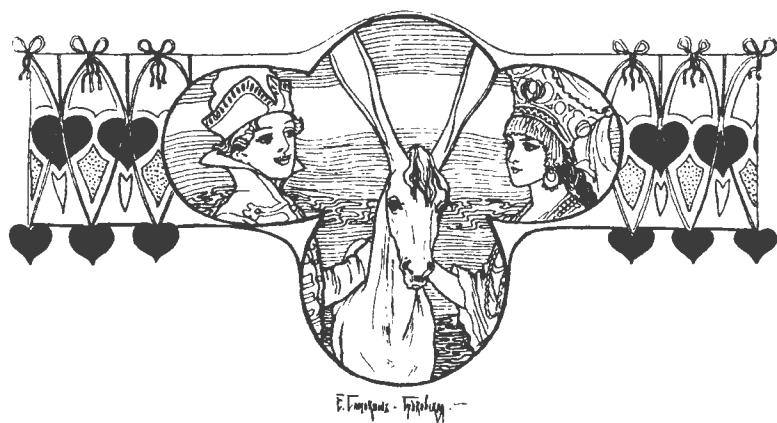
Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые,
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады,
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме — из звезд
Православный русский крест.

Эти небесные существа предрекают «старому хрычу» царю позор, а Иванушке — славу. Действительно, благодаря волшебной морде Конька-горбунка, опущенной в кипящие котлы с молоком, водой варёной и водой студёной, Иванушка не только не сварился, а, напротив, преобразился в сказочного красавца, в то время как царь понёс заслуженное наказание, о чём, собственно, втайне мечтает русский народ, желая скорой смерти несправедливой власти, навязанной ему неизвестно кем и почему:

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл — и там сварился!

*Александр Галкин,
кандидат филологических наук,
литературовед*

КОНЁК-ГОРБУНОК

*Начинается сказка
сказываться.*

а горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле,
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына.
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник*¹.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног!»

¹ Значение слов и выражений, отмеченных знаком *,
объясняется на с. 138–142.

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал,
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».

Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться,
Средний брат пошёл собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,

Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,

Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков*,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай* свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью* надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,

Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабу*.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,

Б. Мухоморов

В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом* напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балаган*
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо*,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,

И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?»
— «Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу пустили
И давай его ругать —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно*, тоже светил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плошки*!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах*.

Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
"Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить".
Я, слышь, слов-то не померил*,
Да чёртенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно* пьян,
Затащился в балаган.

Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал, —
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямоком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом* горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал. —
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,

Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу*
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки:
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём, —
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Бусурманить* христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,

Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке*!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, — сказал, —

Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Ты на чërта не клепли*:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пуцусь да побегу,
Так и беса настигу».

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби* берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья то есть испугались,
Зачесались и замялись,
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».

Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот*.

Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли́ неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю* ночь —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили*,
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик неможет*,
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!»
— «Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня.
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть.
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.

Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что Боже даст,
Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засвѣтил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,

«Эх, как тёмно! — он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево* развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня». .
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь* знает, что горит!
Коль станичники* пристали —
Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.

Вот уж он перед огнём.
Светит поле, словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымит.
Диву дался тут Иван.
«Что, — сказал он, — за шайтан*!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы.
Но для счастья своего
Не бери себе его.

Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
— «Говори ты! Как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час.
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд*
Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий* —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.

Вот обедня* наступает;
Городничий выезжает

В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай*,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости*! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому*,
Ни давёжа*, ни погрому
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»

Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, — молвил, — Божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»

Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец, —
Городничий восклицает
И всем телом упадает, —
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно».
— «Как умею, расскажу:
Городничим я служу,
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!»
— «Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выхода, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и случилось, царь-надёжа!
И поехал я — и что же?

Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,

В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо ко́ней поглядеть, —
Говорит он. — Да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» — И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов* отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,

Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» — Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я».
— «Ну, я пару покупаю!
Продаёшь ты?» — «Нет, меняю».
— «Что в промен берёшь добра?»
— «Два-пять* шапок серебра».
— «То есть это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но доро́гой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,

Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.

Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся:
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье* наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну* мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» — «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,

И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его — горбатко —
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски* их зашили,
Постучали ендовой*
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской,
При конюшне государской;
Как в суседки* он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на́ небе послом,
Как он в Солнцевом селенье
Ќиту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,

Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился*;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.

ЧАСТЬ 2

*Скоро сказка сказывается,
А не скоро дело делается.*

ачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от веще́го коурка*.
Козы на́ море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с златой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.

Как на море-окияне,
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь* в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдёт.

Ну, так видите ль, миряне*,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник* примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,

Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так недель через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,

Чёлки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и рождается,
И в чанах больших сыта*
Будто только налита.
«Что за притча* тут такая? —
Спальник думает, вздыхая. —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовый?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить —
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший* государской —
Бесурманин, ворожей,
Чернокнижник* и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь Божию не ходит,
Католицкий держит крест*
И постами мясо ест»*.
В тот же вечер этот спальник,
Прежний кóнюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.

Ждёт суседки... Чу! всамделе,
Двери глухо заскрыпели.
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.

Но суседке невдомёк!
Он кладёт перо в сусек*,
Чистить ко́ней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий* парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы*,

Б. Гамович-Гудковск.—

Сапоги как ал сафьян, —
Ну точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей* на домового...

«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец. —
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярого пшена*.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться*,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан*,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хватя перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:

«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить».
— «Говори, не прибавляя, —
Царь сказал ему, зевая, —
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос.
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...»
— «Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..»

— «Да и то ль ещё он знает? —
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. — Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем талóвым*,
Ко кровати подошёл,
Подав клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклад его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё веленье

Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна*
Побежали по Ивану,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь* растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчасца над ним возились,
Но его не добудились;
Наконец уж рядовой*
Разбудил его метлой.

«Что за челядь* тут такая? —
Говорит Иван, вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом

Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать».
— «Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся», —
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно* ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,

Прикажи сейчас хоть в палки —
Нет пера, да и шabalки!..»*
— «Отвечай же! Запорю!..»
— «Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.

«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь. — Постой-ка, брат!..»
— «Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаяю
Я вину тебе прощаю, —
Царь Ивану говорит. —
Я, помилуй Бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил, —
Закричал он, утираясь, —
О пере не запираюсь*,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».

Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться* мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж* — в решётку* — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конёк,
У его вертяся ног. —
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал,
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, — беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.
Вот теперя ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди

И скажи ему открыто:
"Надо, царь, мне два корыта
Белоярого пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится*,
Мы отправимся в поход"».

Вот Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярого пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,

Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался.
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё* Жар-птицу.

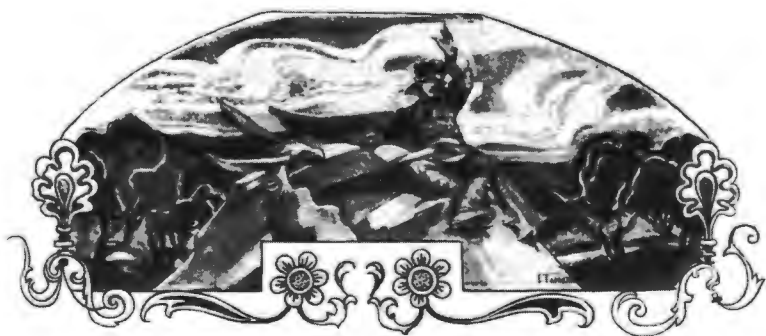
Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.

Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд,
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет,
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.

Ты, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймашь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся».
— «Ну, а если обожгуся? —
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. —
Рукавички взять придётся:
Чай, плутовка больно жгётся».
Тут конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта

И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать* —
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех,
А хвосты-то — суций смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету —
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз —
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой! Конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал!» —
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь».
— «Нет, дай птиц-то мне пугнуть! —
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися* от крика!»

И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кру́гом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.
Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,

Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», —
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» — «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне* затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь люд рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решётчных* сзывайте!
Заливайте! Заливайте!»
— «Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. — Потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной*!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:

«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,
Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! — один слуга сказал, —
Как севодни* я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки — вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!»
— «Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка *о бобре*,
А вторая *о царе*;
Третья... дай Бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: *князь Бобыл*;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...»
— «Ну, да брось её!» — «Постой!..»
— «О красотке, что ль, какой?»
— «Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу сегодня я?»

— «Царь-девицу! — все кричали. —
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:

«У далёких немских стран*
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только бесурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,

Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» *Благодарю - благодарю...*
— «Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы сегодня в кухне были,
За твоё здоровье пили,

А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу —
Так он на́звал Царь-девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивану,
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.

Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь* молвить, Царь-девицу...»
— «Что ты, что ты, Бог с тобой! —
Начал царский стремянной. —
Чай, спросонков, я толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведёшь».

Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решётку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —

Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: "Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки*,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья*,
И сластей для прохлажденья"».

Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья».
— «Вот давно бы так, чем нет», —
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей, хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья,
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.

Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает...
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот как в гусли заиграет —
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай*
И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты её проспшишь,
Так беды не избежишь».
Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай диру* вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает,
Царь-девица подплывает,

**Вотъ какъ въ гусли заиграетъ
Знай, ужъ время наступаетъ**

Входит с гуслиями в шатёр
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, —
Рассуждает стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал,
Вдруг конёк <над> ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздёрнут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конёк его простил:
«Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж спать не стану».
— «Ну, уж Бог тебя простит! —
Горбунок ему кричит. —
Всё поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру

Приплывёт опять девица
Мёду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснёшь,
Головы уж не снесёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколотся,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на́ берег бросает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —
Ты вдругóрядь не уйдёшь
И меня не проведёшь».
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!

Ну, садись же поскорей
Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы́ руки берёт,
Во дворец её ведёт
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел —

Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнём жить припевая».
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильнее ещё влюбился;

Е. Яковлев —

На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы* начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна!»
— «Гей! Позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

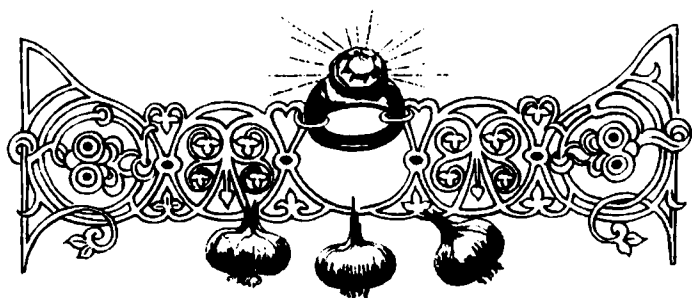
Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;

В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего».
— «Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги —
Ты опять на окиян!» —
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться, —
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. —
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, —
Говорит ему царица, —
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,

Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне, Солнце — брат».
— «Да смотри, в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлёт на окиян, —
Говорит коньку Иван, —
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спросать кое об чём...»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А наавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ 3

РА-РА-РА-ЛИ, ТРА-РА-РА

*Доселева Макар огороды копал,
А нынече Макар в воеводы попал.*

а-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка по́слее* начнётся.

Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
"Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!"»
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева* не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,

Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье:
Ты исполнить обещаешь.
Да смотри ж, не забывай!»
Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?»
— «Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конёк, —
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые».
— «Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:

Долго ль мне в опале быть
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?»
— «Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» —
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно, ладно, рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.

Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег и пустился,
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно* творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землёй простился,
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..

Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Горбунок ему кричит, —
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые,
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады,
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме — из звезд
Православный русский крест.

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:

Е. Г. Мокшиц-Гурковская. —

«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я — Иванушка Петрович! —
Из далёких я сторон
И привёз тебе поклон».
— «Сядь, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
И поведай мне вину*
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,

Как попал ты в этот край, —
Всё скажи мне, не утай».
— «Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, —
Говорит, садясь, Иван, —
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
"Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?"
Так, кажися? Мастерица
Говорить краснó царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она».
— «А какая то царица?»
— «Это, знаешь, Царь-девица».
— «Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил

В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на кол». .
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала.
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру Божью не светил:

Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?»
— «Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухотка*:
Ну, как спичка*, слышь, тонка.
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прощенье...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрашал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»

Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович, —
Молвил Месяц Месяцovich, —
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
”Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налю*“.
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.

На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окиян.
Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.

Чудо-юдо рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прошение?
Получу ль когда прощение?»
— «Погоди ты, рыба-кит!» —
Тут конёк ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ*,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шёл Мамай войной!*

Тут конёк на хвост вбегаёт,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет Бог с тебя невзгону,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далёкий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,

Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом* всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Волны моря заklubились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом* волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!»

— «Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, —
Говорит ему Иван, —
Лучше перстень нам достань —
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы».
— «Ладно, ладно! Для дружка
И серёжку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», —
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином*.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.

Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!

Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».
— «Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.

Осетры тут поклонились,
В земский суд* бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ*;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб от имени царя
Обежали все моря
И того ерша-гуляку,

Крикуна и забияку,
Где бы ни было, нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с карасём.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну а вам какое дело? —

Ёрш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!»
— «Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома — нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться, —
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».
Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот карась
Поносил меня вчерась
При честнóм при всём собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,

И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж Бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье».
— «Рад стараться, чудо-кит!» —
На коленях ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» — «Как не знать!
Можем разом отыскать».
— «Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон,
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,

Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «О-о-о!».
Но, сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!
Вам кнута бы вместо водки!» —

Е. Гамовича-Гудерскаго. —

Крикнул ёрш со всех сердец
И нырнул по осетров.

Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додаться с карасём, —
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.

«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан*! —
Говорит себе Иван. —
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело,
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь* я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.

Горбунок-конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул:
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, рыба-кит! —
Горбунок-конёк кричит. —

Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число*.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».

Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит:
«Что кольцо моё?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на́ вид,
Да и дьявола задавит».

Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнести в светлицу,
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найдён, —
Сладкогласно молвил он, —
И теперь, примолвить снова,
Нет препятствия никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться».
— «Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой,
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед,
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку* взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:

Е. Гамецкий. Будоражен. —

Все их царства полоню!
Весь их род искореню!»
— «Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться, —
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..

Чем ты можешь похвалиться?» —
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да <я> удал! —
Царь царице отвечал. —
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!»
— «Не пойду я за седова, —
Царь-девица молвит снова. —
Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец».
— «Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо Бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе

Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться —
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван. —
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!»
— «Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.

Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах».
— «Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинает. —
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно́,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытаться,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, бóлесть злая*!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конёк. —
Чай, наш старый женишок

Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Исккупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конёк:
«Вот уж служба, так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, Бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: "Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии* с ним проститься".
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,

На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёный.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера, и повара,
И служители двора,
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.

Вот и двери растворились,
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.

«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату*.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь опять ему вскричал. —
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать?
Я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордóй макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!

Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.

«Эко диво! — все кричали. —
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя* похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два разá перекрестился,
Бух в котёл — и там сварился!

Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем* всего
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! — все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана*
Признаём царя Ивана!»

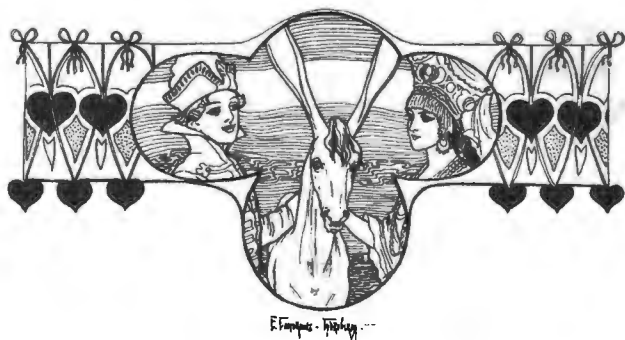
Царь царицу тут берёт,
В церковь Божию ведёт,

И с невестой молодою
Он обходит вокруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским* выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой,
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

1834, между 1843 и 1851

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А́жно — разве.

Ба́бка — игральная кость.

Балага́н — шалаш, навес.

Баля́сы — болтовня, пустые речи.

Бусурма́нить или басурманить — обра-
щать в чужую веру. Басурмани́н — иноземец.

Белоя́рово пшено — кукуруза.

Бо́лестъ злая — тяжёлая болезнь.

Бочки с фря́жским — с вином из Италии.
Фря́жами на Руси называли итальянских купцов.

Буера́к — яма, овраг, рывина.

Варе́нье — здесь: литьё; литая металлическая
посуда иностранного производства.

Вдруго́рядь — в другой раз.

Верши́ть — приходить к выводу, решать.

Вина́ — здесь: причина.

Вну́ка — внучка.

Володе́тель — господин, властитель.

Впоследни́ — последний раз, напоследок.

Глазе́й — подсматривающий.

Глаша́тай — человек, который объявлял во-
лю царя и воевод.

Городни́чий — градоначальник.

Го́сти — здесь: купцы, торговцы.

Давёж — давка.

Два-пять — старинное название числа десять.

Дворя́на — придворные.

Дира́ — дыра.

Досе́лева, досе́ле — до настоящего времени.

Ду́мный дворяни́н — младший чин Бояр-
ской думы.

Ерусла́н — сказочный богатырь.

Жи́вот — жизнь, добро, достаток.

Жо́мы — тиски.

За́греби — горсть.

Зори́ться, зазори́ться — рассветать.

Запира́ться, пере́ться — спорить, упорствовать.

Зе́льно — сильно.

Зе́мский суд — местный суд по малозначительным делам.

Католи́цкий крест — четырёхконечный, без перекадаин.

К водяному сесть в приказ — утонуть.

Клепа́ть — обвинять без основания, наговаривать.

Кольцо́ — круглая железная ручка у дверей, соединённая с запором.

Коню́шенна, коню́шенный завод, приказ — служба, ведавшая царскими конюшнями.

Коню́ший — начальник конюшенного приказа.

Коу́рко — лошадь рыжей масти; сказочный конь-помощник.

Кра́сно платье — красивое.

Кто-петь — частица «петь» добавлялась для усиления интонации.

Ку́рево — костёр.

Лубки́ — лубочные картинки с изображением героев сказок, былин.

Льзя — можно.

Малаха́й — верхняя одежда, широкий кафтан без пояса, а также меховая шапка с ушами.

Мёд — хмельной медовый напиток.

Ме́шкотно — медленно, вяло.

Миря́не — члены крестьянской общины.

Надсе́лися — надорвались от крика.

Налóй, аналóй, — церковный столик с покатым верхом; вокруг него обводили жениха и невесту во время венчания.

Намéднишнйй — недавний.

Немóжет — болеет.

Нёмские страны — иноземные; словом «немец» на Руси называли иностранцев.

Обéдня — церковная служба в первой половине дня.

Опо́яска — пояс из широкого куска материи, в который зашивали деньги.

Пан — здесь: господин.

Переимáть — переловить.

Пла́стью — пластом.

Плёс — хвост.

Пло́шка — круглая плоская посуда с салом и фитилём для освещения помещений.

Прозумéнты, позумéнты — золотая или серебряная тесьма, которая нашивалась на одежду.

Помéрить — обдумать.

По́слее — после.

Пост — дни, когда церковью запрещено есть мясную и молочную пищу.

Постучáли ендováй — т. е. выпили. Ендová — чаша с носиком, служившая для разлива вина.

Почивáльня — спальня.

Правёж — битьё палками.

Принúжусь — понадоблюсь.

Прйтча — здесь: странное дело.

Прй́чет, причт — священнослужители одного прихода.

Ра́жий — крепкий, сильный.

Решётка — клетка.

Решёточные — сторожа в тюрьмах.

Рóвно — как будто, кажется.

Ряд — лавки на ярмарке, где торговали каким-либо товаром. Кóнный ряд — место, где торговали лошадьми.

Ряді́ться — договариваться; «ряда» — соглашение, договор.

Рядовóй — здесь: слуга.

Севóдни — сегодня.

Седмíца — шесть суток и неделя (воскресенье) в православии.

Сенні́к — сарай для сена.

Сирéчь — т. е. иначе говоря.

Словно шёл Мамай войной. — Мама́й — татаро-монгольский хан, учинявший набеги на Русь. Был разбит Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году.

Содóм — здесь: шум, суматоха, крайний беспорядок.

Сохвата́й — схвати.

Спа́льник — придворный чин в России XV—XVII веков. Спальник дежурил в комнате государя, помогал ему одеваться и раздеваться, сопровождал в поездках.

Спі́чка, спі́ца — тонкая заострённая жердь.

Сро́чное число — срок.

Стані́чники — разбойники.

Стрельцы́ — войско в Древней Руси.

Стремянно́й — придворный чин на Руси; сопровождал царя верхом, подавал ему стремя, ухаживал за государевой лошадью.

Сусéдко — домовой.

Сусéк — отгороженное место в амбаре, где хранилось зерно или мука.

Сухóтка — болезненная худоба.

Сы́та — медовый взвар.

Тала́н — удача, счастье.

Тало́вый — ивовый.

Тоё — ту.

Ука́з именно́й — распоряжение, подписанное верховной властью.

Учини́лся — сделался.

Фата́ — лёгкое покрывало в женском уборе, закрывающее голову и верхнюю половину тела.

Че́лядь — слуги.

Чернокни́жник — колдун.

Чёрный зверь — т. е. медведь.

Шабáлки — шабаш, конец.

Шайта́н — бес, чёрт.

Ширинка — полотенце.

Яхо́нт — старинное название некоторых драгоценных камней (рубин, сапфир и др.).

Содержание

*Александр Галкин. «Лучше б нам пера не брать»:
«Конёк-горбунок» в истории русской литературы ... 5*

КОНЁК-ГОРБУНОК

Часть первая 31

Часть вторая 62

Часть третья 102

Словарь устаревших слов и выражений 138

6+

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

СЕРИЯ «КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Ершов Пётр Павлович

КОНЁК-ГОРБУНОК

Русская сказка в трёх частях

Ответственный редактор *Татьяна Федосова*
Художественный редактор *Татьяна Иванова*
Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Арнольд Гостман
Иллюстрация на обложке и на титуле
Витана Маковская

Подписано в печать 04.07.2022. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Печ. л. 4,5. Тираж 3000 экз.
Заказ № ВЗК-03636-22.

ООО «Издательство «Детская и юношеская книга»
115035, город Москва, Вн. тер.г. Муниципальный округ
Замоскворечье, наб. Овчинниковская, д. 6, стр. 3,
этаж 2, ком. 3.

Контакты: +7 (495) 246-00-07
+7 (495) 246-00-06 (редакция)

По вопросам приобретения книг
обращайтесь по тел.: +7 (495) 246-00-05
info@book-team.ru; book-team.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с предоставленным оригинал-макетом.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Тел. (8332) 53-53-80, info@gipp.kirov.ru

Страна-изготовитель: Россия. Дата изготовления: июль 2022 г.
Изготовитель: ООО «Издательство «Детская и юношеская книга».

Серия «Классная библиотека» издательства «Детская и юношеская книга»

- * **ЭКСКЛЮЗИВНОЕ СОЧЕТАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИЛЛЮСТРАЦИЙ ЛУЧШИХ ХУДОЖНИКОВ-ГРАФИКОВ.** КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ с такими книгами **КАК СЦЕНАРИСТ** — сам создаёт свою систему образов, ставит свой собственный спектакль!
- * **УНИКАЛЬНАЯ СОВРЕМЕННАЯ СТАТЬЯ-СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ** непременно вызывает интерес и служит мостиком между смыслами, героями произведений и читателем. Написана современно, просто и интересно.
- * **СЕРИЯ «КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА»** поможет любому продвинуться в понимании литературы и полюбить чтение, научит **СОЧИНЕНИЮ** и **ГРАМОТНОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ** своих мыслей.
- * **ХОРОШО ПРОЧИТАТЬ ТАКУЮ КНИГУ ПРЯМО СЕЙЧАС**, в пору взросления. Меняются костюмы и декорации, но не меняются характеры и нравы, ценности и идеалы, чувства и страдания.

Пётр Ершов. Конёк-горбунок. Русская сказка

Иван-дурак ершовской сказки всегда выходит сухим из воды: как говорится, «дуракам везёт». Впрочем, в сознании народа это везение имеет твёрдую нравственную причину: герой изначально и до конца должен жить по справедливости, быть верным законам любви и добра. И благородный Иван всецело отвечает этой народной нравственной максиме.

*«Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее...»*

П. П. Ершов

9 785907 545304